

ИРИНА
ЛОБАНОВСКАЯ

Семейные тайны

В Измайловском парке к Валерию подошел незнакомец. Валерка нащупал стилет в рукаве и приготовился к бою.

РОМАН
ИЗМАЙЛОВСКИЙ
ПАРК

Ирина Лобановская

Измайловский парк

«Центрполиграф»

2007

Лобановская И. И.

Измайловский парк / И. И. Лобановская — «Центрполиграф»,
2007

Рассказ родного дяди взбудоражил Валерия. Где-то на территории familialной усадьбы Паниных, глубоко в земле, таился клад, зарытый в смутные революционные годы. Валерий Панин решил поехать посмотреть на развалины поместья. Размышляя о прошлом, он неожиданно вспомнил о разладившихся отношениях с другом. Формально Валерка разошелся с ним из-за сероглазой красавицы. Но сам Панин знал, что причина, по которой он увел возлюбленную у друга, совсем не романтического свойства, и эта невысказанная тайна тяжестью легла ему на сердце...

© Лобановская И. И., 2007

© Центрполиграф, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирина Лобановская

Измайловский парк

Глава 1

Окна отчаянно таранил вконец охамевший ноябрьский ветер. Злобился, что его не пускают погреться. Был и угрожал страшным террором.

– Как холодно в этом году! – вздыхала мать. – Хотелось еще побыть на даче... А тут уже заморозки по ночам.

Мать обожала дачу и готова была жить там не только с апреля до поздней осени, но вообще круглый год. Маленького Валерика она утаскивала туда рано, едва принимались ставивать высокие мягкие ласковые снега да начинали слабо проклевываться застенчивые почки на деревьях. И младшекласника Валерку мать тоже увозила за город в мае, не обращая никакого внимания на предостережения вовсю распускающегося дуба и зацветающей черемухи. А делать это они испокон веков привыкли совместно, дружно, чтобы не растягивать всеобщее удовольствие от весенних минусов.

Тогда Валерке за городом нравилось все: велосипед, летние приятели, поля, леса, речка... А потом он подрос, и все сразу резко изменилось: какой-то скучной показалась эта дачная жизнь, и надоели поля и леса – унылое зеленое или желтое однообразие. Приятели куда-то разбрелись, девчонки тоже. И делать там стало нечего. Не смотреть ведь до одури телевизор, вывихнутый на сериалах!

Поэтому теперь Галина Викторовна ездила на дачу одна.

А сейчас Валерий готовился к первой в его жизни сессии. Заранее. Волновался, стараясь себя не выдать. И по школьной привычке бродил из угла в угол с учебником в руке, монотонно повторяя самые трудные и важные абзацы. Иногда он выходил из своей комнаты – почти машинально – и делал несколько шагов по темному узкому, чересчур тесному коридорчику от вешалки и шкафа, продолжая бубнить себе под нос.

Мать Валерку в эти минуты не окликала, не тревожила. Врач-хирург, она много лет работала в Ожоговом центре, а позже, когда уже стало не по силам выносить такую чудовищную нагрузку, перешла в больницу, в отделение гнойной хирургии, где в основном вскрывала фурункулы да удаляла липомы и атеромы.

Валерий споткнулся о большую коробку и выругался себе под нос. Вечно мать понаставит баракла, не повернешься! Нет, прав отец – им нужна совсем другая квартира. Светлая, большая, с высокими потолками. И разве не заслужили ее Валеркины родители, медики, вкалывающие в клиниках с утра до ночи? Но вот не заслужили...

Валерию стало в очередной раз больно и обидно за семью, и он хмуро уткнулся в учебник. Анатомия – лучшая защита от жизненных неурядиц. Средство испытанное и надежное.

Из-за плотно закрытой двери в комнату, гордо именуемую матерью гостиной, а на самом деле мрачноватую клетушку с пожелтевшими от старости обоями, доносились голоса матери и дяди.

Этот дядька... Валерий потер лоб с большой подозрительностью.

Дядя Виктор свалился на голову Паниных совершенно неожиданно. Более того – до сегодняшнего дня Валерий вообще слыхом не слыхивал ни о каком дядьке.

Часа два назад мать открыла дверь на звонок, растерянно произнесла: «Витька...» – и странно замолкла. Валерий отложил учебник. Надо бы одеться и посмотреть, кого там при-

несло. Обычно Валерий сидел у себя в комнате голый до пояса. Когда мать звала обедать, торжественно говорил:

– Ну, к столу надо надеть фрак, – и напяливал растянутую от стирок футболку.

Он и сегодня моментально ее натянул и с любопытством вышел в переднюю. Лысеющий высокий мужчина лет пятидесяти, обремененный солидным брюшком и одаренный плутовскими маленькими карими глазками, проворно зыркнул ими в сторону Валерки.

– Племянник, значит? Голубь ты мой! Ишь, какой вырос! Эх, Галка, Галка! Сколько мы с тобой ошибок понаделали! Сколько глупостей на совершали! А не видались сколько?

Мать нахмурилась:

– Раздевайся, Виктор, проходи... Не видались давно. Ты и не звонишь совсем. Я думала, выбросил меня из головы. Другим она у тебя занята. Познакомься, Валерик, это твой дядя Виктор. Мой младший брат.

– Нежданный гость! Прямо как в кино! – насмешливо восхитился Валерий. – Только там чаще вот точно так же знакомят с отцом. «Познакомься, доченька, твой отец!» И дальше немая сцена... А почему я никогда не видел своего дядьку? Еще одного представителя старинного дворянского рода Паниных?

– Бойкий ты, выходит? – разулыбался дядька, снимая куртку. – Галка, если тапочек нет, не тревожься. Я люблю босиком или в носках.

Он тотчас сориентировался в крохотной квартирке и направился на кухню. Там дядька поставил на пол большую сумку, довольно удачно закрыв вытертые до белизны места на линолеуме, и стал выгружать из нее пакеты и бутылки.

Чем-то недовольная Галина Викторовна и заинтригованный Валерий двинулись за гостем. Валерка взял со стола одну из бутылок:

– Здорово живете, дядя Виктор! Коньяк дорогущий. И вино тоже по высшему разряду. Мам, дай штопор. Буду открывать.

Мрачная Галина Викторовна резко выдернула из рук сына бутылку:

– Ты бы лучше занимался! У тебя скоро экзамены.

– В институте, стало быть, учишься, племянничек? – Дядька сам каким-то удивительным чутьем нашел штопор, быстро открыв пару ящиков стола, и занялся вином.

Валерий стал подозревать, что его обманывают – этот таинственный дядька знает дом Паниных как свой собственный. Следовательно, бывал здесь не раз. Загадка на загадке...

– И в каком же? Небось пошел по твоим стопам, Галка? Тоже Гиппократом станет? Ты всегда умела чудненько на всех влиять. Даже и не говорила ничего и никого ни в чем особенно не убеждала. Просто бросала несколько слов, тихо, как кроткая голубица, и будто втолковывала что-то, ворожила... Очень впечатляло, я вам скажу. Ну и что? К чему путному разве это привело? Кому и что ценного ты сумела внушить? Все на деле оказалось фуфлом. Призрачные ценности... А нужны настоящие. Это обязательно.

Дядька весело вытащил грозно щелкнувшую пробку. Валерий насмешливо глянул на мать:

– Я и не подозревал, что ты у меня была такая необыкновенная. Колдовская и внушительная мама! Вот как полезно пообщаться с новыми людьми! Вы бы к нам почаще заходили, дядя Виктор. Я и вправду всегда намыливался в медицинский, а теперь там на первом курсе. А вы где живете и чем занимаетесь?

Дядька ловко, новым хлопком, открыл вторую бутылку.

– Витя, довольно! – взмолилась мать. – Нам вполне хватит и этого, разве мы столько выпьем?

– Ну, мы, может, и не выпьем, – согласился разумный дядька. – Но в расчете на твоего драгоценного мужа... – Он повернулся к Валерию и хитро ему подмигнул. – Живу я неподалеку, но редко бываю в град– столице. Больше разъезжаю по городам и весям. Менеджер я.

По продаже кондиционеров. Очень выгодная профессия, я вам скажу. На гребне волны. А я люблю быть на самой ее верхушке. О своем дипломе инженера давно забыл.

Мать снова насупилась:

– Плохо все это, Виктор. Какая-то ерунда кругом... Люди отказались от своих профессий, от своих знаний ради наживы, ради денег. Разве такая замена правомерна? Разве логична? Это настоящее предательство самого себя.

Дядька расхохотался, отыскал в кухонном шкафчике бокалы и тарелки и начал проворно накрывать на стол.

– Ты всегда была идеалисткой и максималисткой. И жизнь, выходит, тебя ничему не научила. Осталась при своих иллюзиях... Сын, надеюсь, не в тебя пошел. Голубь ты мой! – Он пристально глянул на Валерия. – С медицинским образованием сейчас можно такие деньги делать, я вам скажу... – Дядька мечтательно прищурился и хлопнул дверцей холодильника. – Так что давай, племянничек, вперед и с песней!

– И с какой? – Валерий сел к столу. – Что петь прикажете? Из репертуара «Руки вверх» или «Ногу свело»? Я готов!

– Галка, не смотри на меня волчицей! Брат все-таки... Родной и единственный. Садись и давай выпьем! – радостно потер руки неожиданный гость. – Насчет песен потом. Когда напьемся, тогда и разберемся. А лучшее средство от боли в горле, скажу я вам, доктора хорошие, – стакан водки с солью и перцем! Еще надежнее – два.

Валерка спросил тихонько и нарочито преспокойно, с тончайшим деловитым стебом:

– Это – чтобы не болела голова?

Дядька лукаво подмигнул ему:

– Языкастый ты, племянничек. Но первый тост мой! И вот что я вам скажу... – Он на минуту призадумался. – Так хорошо, что мы наконец вместе... Ты, Галка, я и мой племянник... Семья Паниных. Точнее, то, что от нее осталось. Пьем, стало быть, за нас! – Дядька мгновенно осушил бокал и бодро принялся за винегрет – излюбленное блюдо Галины Викторовны. – А где твой благоверный? Великий хирург Михаил Туманов?

Мать вздохнула и отвернулась к окну. Валерий постарался быстро сменить тему:

– Придется вам мне подсказать, можно одним словом, где и как люди с медицинским образованием делают большие деньги. Я не в курсе. Буду премного вам обязан.

Дядька важно кивнул:

– Напьемся и разберемся. Обязательно, племянничек. Тебе еще жить и жить. И жизнь свою нужно строить и ладить с толком, с чувством, с расстановкой. Без этого нынче никуда, голубь ты мой. Вот когда я был не то в Киеве, не то в Новосибирске...

Валерий захохотал:

– Ну-у! Так перепутать! Все равно что принять Сидней за Венецию!

Дядька тоже засмеялся:

– Понимаю твое удивление и признаю! Но ты соображай: у меня особая жизнь – спецкомандировки на самолетах аж по несколько раз в год, туда-сюда-обратно. Тут все на свете перемешаешь. Все просто мелькает перед глазами, и тебе уже толком не до осмотра города или чего-то такого-эдакого. Но учиться надо, мать правильно говорит. Вот один пример приведу. Ты, голубь, поди, и не слышал, как юный Циолковский жил в провинции, увлекаясь наукой. И открыл некий закон. Описал его и послал свое открытие в Академию наук. Оттуда пришел ответ: вы молодец, молодой человек, вы очень способны, но только мы вынуждены вас разочаровать – открытый вами закон давным-давно открыт Ньютоном – это его первый закон.

Валерка засмеялся:

– Это правда?

– Не сомневайся, голубь, сие истина! И слушай дальше, – продолжал дядька, поглядывая хитро и довольнo. – Циолковский не стал унывать, а только взбодрился. И вскоре открыл –

снова сам! – еще один закон. И его тоже отправил в академию. И опять пришел ответ: все замечательно, юноша, вы большой умник, но это второй закон Ньютона. Точно так же произошло и с третьим законом Ньютона. Так что из этого выходит? С одной стороны – получил бы юный Циолковский с самого начала специальное образование – не стал бы время впустую тратить. А с другой стороны – кто знает, может, как раз эти «открытия» законов Ньютона и помогли ему стать в дальнейшем великим Циолковским. Но ты учись, племянничек, старайся.

Валерка скривился – опять нравоучения!

Потом разговор, к счастью, сдвинулся на бытовые и общеполитические проблемы, благополучно на время миновав все рифы и подводные течения семейства Паниных-Тумановых, и Валерий заскучал. Откланялся и отправился к своему оставленному без присмотра учебнику анатомии. Снова начал мерить шагами комнату и коридорчик, бубня одно и то же.

Мать и дядька теперь сидели в так называемой гостиной и болтали. Валерий не вслушивался – ему было не до того. И вдруг поймал обрывки фраз... Говорил дядька:

– Эти брюлики, Галка... они ведь наши, выходит... Твои и мои... И твоего сына...

Брюлики... Опять засветилось новенькое. День сюрпризов.

Валерий остановился и поставил уши топориком. Мать что-то ответила. Глухо и неразборчиво. Валерка на цыпочках подошел поближе к двери.

– Ценности там, я тебе скажу, большие, – убеждающе гудел дядька. – Фамильные, панинские! Дедовские еще. Ради чего от них отказываться, бросать их на произвол судьбы?

Мать вновь пробубнила нечто невразумительное. Валерий прилип ухом к щелке в двери.

– Искать их нужно, Галка, – прошипел дядька. – Искать... Это обязательно.

– Ты искал, – мрачно проронила мать. – Много нашел?

– Сие ничего не значит! – заявил дядька. – Надо пробовать дальше. Сына твоего подключать... У меня детей нет.

– Валерика не трогай! – озлобилась мать. – Мы с тобой сколько лет не виделись? И еще столько бы не встречаться! Я этих разговоров о деньгах не переносу!

– Эх, Галка! – горестно вздохнул дядька. – Какой ты была, такой и осталась... Давай разберемся... Чем тебя наше, кровное, родное добро не устраивает?

Мерзким комаром завизжал телефон, и Валерий торопливо отошел от двери.

Звонила бывшая одноклассница Женька. Спрашивала что-то об экзаменах, лепетала о новом фильме, о чем-то рассказывала... Валерий отвечал невпопад, не слушая ее. Вот не вовремя позвонила эта дура... Сколько важной информации пропадет... Больше не услышишь...

Он окинул взглядом убогую переднюю и коридорчик. Драгоценности... Фамильные... Возможность купить приличное жилье, поставить вместо трухлявой дачки новомодный коттедж, сменить отцовские жалкие «жигули» на «тойоту». Плюс поездки за рубеж – Италия, Франция, Майами... Валерий размышлял и хотел оборвать разговор, извиниться, сослаться на семейные сложности, но было уже поздно. В коридор вышли мать и дядька, который тотчас хитро подмигнул племяннику:

– Голубь ты мой! Стало быть, девицы покоя не дают?

– Дурью маются, – фыркнул Валерий и поспешно распрощался с назойливой Женькой.

Он давно отлично знал, что привлекает девиц точно так же, как духи или косметика. Породистый, высокий, с тонкими, длинными, аристократическими пальцами и глазами цвета темного пива – все как у матери, – выразительно и загадочно затененными ресницами-щетками, Валерий стал девичьей приманкой еще в младших классах. Вступил в силу и закон противоречивой женской души – на первый взгляд Панин абсолютно не интересовался девчонками, что повышало его акции с каждым днем все стремительнее.

Несколько ранних романов, позволивших Валерию легко осознать свое мужское преимущество и достоинство, подтвердили его раннее подозрение: все без исключения девицы лег-

комысленны, глупы и готовы ему отдаться через неделю знакомства. Ни одна из них всерьез Валерия не заинтересовала.

Он был импозантен и остроумен. Отличался еще одним немаловажным и редким качеством – носил любые, даже дешевые вещи с таким шиком и достоинством, что они выглядели на нем дорогими шмотками от кутюрье. Валерка никогда не стыдился дешевки, а превращал ее в нечто великосветское, придавал ей иное, новое содержание. Он умел безупречно подавать, преподносить самого себя – без всякого вызова и самомнения, без ложной скромности, довольно просто, но с полным осознанием своей цены – разумной, не завышенной, но и не заниженной в угоду окружающим.

Судьба казалась благосклонной: даровала Валерке здоровье, выносливость и способности. Учеба давалась ему без труда, точно так же, как занятия спортом. Он со смешливым любопытством наблюдал за похождениями приятелей, без конца грезивших дурацкими влюбленностями. А сам, если вдруг возникало настойчивое желание, брал любую девицу, дело нехитрое. Валерий даже не помнил, какая у него из них оказалась первой. Лица были похожи, все остальное – тоже. Поэтому и особой привязанности ни к кому не возникало.

О себе Валерка говорил приятелям:

– Я тоже влюблялся, даже хотел умереть, потом плюнул, забил на это, возвратился к самому себе и подумал: «А на фиг мне это нужно, все эти сопли-вопли?» Хотя вроде бы снова влюблялся. Для вида. Чтобы не нарушать общей картины мироздания. Я флегматик-слизняк по нраву. И немного циник. Смесь восхитительная. Хочешь быть циником – будь им.

Приятели хохотали.

А отец, вечерами часто приезжающий пьяным, попросту надравшимся, всегда старался выпендриться перед сыном и широким жестом протягивал ему портмоне:

– Бери, Валерка, сколько надо! Ты уже взрослый мужик, деньги нужны, я знаю. Не имел я в свое время нормального отца, чтобы помогал да заботился, зато тебе неплохой достался... Так что пользуйся, пока я живой и рядом.

Глава 2

У каждого своя звезда. Только не каждый знает, какая именно. И нередко выясняется, что дорожка твоей звезды по небосклону может вдруг очень круто поменять заданное направление.

Валерий с детства считал, что он человек необычный. Хотя на чем основывались эти соображения, он тогда еще толком не понимал. Но упрямо думал: «Будет и на нашей улице праздник! Вот только когда? Когда он наконец засверкает, этот долгожданный фейерверк в мою честь?!»

Когда-то в школе он ткнул пальцем в портрет Пифагора в кабинете математики и, хохоча, закричал:

– Этот Пифагор лысый и с приземистой головой! Он похож на пустую круглую бочку!

И приятель Арам устыдил его:

– Вот представь: ты прославишься как Пифагор, твой портрет будет висеть во всех школах мира, а какой-нибудь ученик так вот покажет на твой портрет и скажет: «Круглая бочка!» Представил? Приятно тебе?!

Арам всегда был очень серьезным парнем. И очевидно, тоже предполагал грядущую славу самого лучшего друга.

Слава... Как она выглядит? И так ли она нужна ему, Валерке Панину?

В последнее время он чувствовал, что отец работает на пределе. И живет на грани близкого срыва. Мать нервно стискивала губы, но молчала. Михаил Дмитриевич приезжал домой редко, только чтобы навестить сына. Где жил – оставалось загадкой, родственников у него в Москве не было. Но родительская жизнь сломалась и криво перестроилась довольно давно. Валерий старался в нее не вникать.

Он усвоил, и тоже давно, что самое главное и ценное в жизни. Ну конечно, деньги. Правда, с родителями он своими соображениями не делился. Но решил, что в далекой перспективе ему надо стать богатым. Это очень просто. И в то же время совсем не просто в стране, где он родился и вырос. Как здесь выжить и уцелеть при больших деньгах?.. Разборки, разборки...

Валерий прекрасно сознавал, что до поры до времени ему помогает отец, за счет своих связей. Великий хирург, он прооперировал многих власть имущих. И часто рассказывал, кому и что вырезал и кто как вел себя после операции. Многие властители ныли и капризничали на манер детей. Нетерпеливость – свойство всемогущих. Отец посмеивался. Когда требовалось, он просто поднимал трубку телефона. Так решались вопросы, которые в принципе можно решить.

Но потом, дальше?.. Отец не вечен, и Валерию уже пора задуматься о том, как он собирается жить. Ему почему-то упорно казалось, что надвигаются тучи, но прольются они дождем где-то далеко, не успев доплыть до Валерия и его личной судьбы.

– Окончишь мед, устрою тебя в шикарную фирму, – иногда обещал отец. – Поездки за рубеж, то да се...

Валерий слушал его со странным чувством недоверия и насмешки. Вспоминал мать...

Не раз лучший друг Арам пробовал пристать к Валерию с интеллектуальными разговорами о музыке, живописи, литературе. О любимой своей истории. Но увы... Едва он начинал говорить об этом, Валерка откровенно кривился, а однажды заявил:

– По-моему, это не предметы для дискуссий, сечешь? Я убежден, что говорить нужно лишь о том, что хорошо знаешь и в чем разбираешься. Иначе получаются рассуждения дилетантов, то бишь полная ахинея. Зачем проявлять свое невежество? О музыке пусть говорят музыканты, о живописи – художники. А ты на это забей. Ну, еще твоя история туда-сюда...

Арам сначала примолк, но быстро выдал ответный ход:

– Ладно, давай о другом. Вот ты собираешься стать психиатром. И тебе придется лечить духовные и душевные болезни. А как, ты подумал?

Валерий присвистнул:

– Умный не спросит, дурак не догадается!

Арам не обиделся:

– Не знаешь! Зачем тогда берешься? В этом деле без настоящей веры не обойтись, а ее не бывает без любви, которую ты всегда почему-то отвергаешь. Я тут как-то забрел в православную библиотеку, взял кое-что почитать. И тебе советую.

– А я читал когда-то про пионерку Валю, – стал дурачиться Валерка. – Была такая в поэме Багрицкого. Так вот она отпихнула мать с крестиком.

Арам пожал плечами:

– Пожалуйста, тебе другой пример – Базаров. Идеальный атеист. Но, умирая, сказал отцу: разрешаю меня соборовать и причастить – просто из любви к тебе и маме. А Валя... Ну что Валя? Не снизошла до любви к родителям, маленькая еще была, глупая. Базаров старше и умнее.

Валерий потер лоб:

– Глубоко копаешь... А Тургенев, значит, умнее Багрицкого. Возможно, не знаю... И я вообще еще не разобрался, что собираюсь лечить – душу или разум. Здесь никакой ясности. Ни для кого.

– Почему? – удивился Арам. – Ведь говорят «душевнобольной».

– И «сошел с ума» тоже говорят. Что точнее, пока не понимаю. Это позже, наверное, дойдет. Или не дойдет никогда. Так вот к вопросу о разуме... У некоторых философов давно появилась одна соблазнительная мысль: если разум – дар Божий, а безумие – от дьявола, и если считать безумие высшей формой разума, то какой из всего этого вывод? Логически получается, что миром правит дьявол. Потому даже в Евангелии говорится, что дьявол – князь мира.

– Чушь собачья! – обозлился Арам. – Такую философскую софистику в свое время называли сатанизмом. Про экзистенциалистов слышал? Кьеркегора, Сартра, Бердяева? У Сартра есть философский трактат «Дьявол и Бог», нам о нем профессор Бочкарев однажды рассказывал. Так вот Сартр умышленно в заглавии поставил дьявола на первое место. Но могут ли править миром сумасшедшие?

– Еще как! – кивнул Валерка. – Лев Толстой в дневнике признался, что убежден: миром управляют именно сумасшедшие. Другие или воздерживаются, или просто не в силах править. Очередной парадокс мироустройства. И еще Толстой был уверен, что сумасшедшие всегда лучше остальных добиваются своих целей. Отчего это происходит, неясно. Может, оттого, что у них нет никаких нравственных преград: ни стыда, ни правдивости, ни совести, ни даже страха.

Арам покачал головой:

– Так не бывает. Эти преграды есть у всех. Просто некоторые их отмечают, как ненужные.

Валерий помолчал.

– Наверное... И правильнее сказать, что миром правят не сумасшедшие, а психопаты. Революционеры – это обычно как раз психопаты и невротики. Ими двигают вовсе не любовь, равенство и братство, о которых они кричат, а темные фрейдовские комплексы, где основная движущая сила – комплекс власти. А доверяли они гаданиям. Гитлер и Гиммлер, с одной стороны, загоняли всех оккультистов и астрологов в концлагеря, а с другой, сами верили этим астрологам и даже заводили личных, приближенных. Это типично для психопатов. При изучении всех тайных обществ выясняются привычные составляющие элементы таких секретов Полишинеля: психические болезни, половые извращения, наркотики, мания величия, комплекс власти, комплексы разрушения и саморазрушения, садизм и мазохизм. А основная задача – борьба за власть.

– Кучеряво! – Арам вздохнул. – И справедливо. Все революции в основе схожи. Не случайно в советское время любили восхвалять Марата и прочих французских повстанцев как ребят своих в доску. Французские революционеры вырезали дворян просто по сословному признаку, заодно закрывали, разрушали или использовали в других целях католические церкви. А чем все дело кончилось? Термидорианским переворотом, который всех этих буйных товарищей уничтожил на их же любимой гильотине. Все возвращается на круги своя... И революция в России... Первые два пункта – прямо один к одному. Да и конец, по сути, точно такой же: пришел товарищ Сталин и самих же большевиков по– расстрелял или сгноил в лагерях. Так говорит наш профессор Бочкарев. Значит, ты собираешься лечить властителей мира?

– Именно! И еще гениев. Когда проверили тридцать пять самых величайших гениев в истории человечества, то они почти все – более девяноста процентов – оказались психопатами. Сечешь? Эта связь между умом и безумием столь же неразрешима, как поиски эликсира молодости, квадратура круга или перпетуум-мобиле. Но это полезно знать, чтобы разгадать многие загадки в жизни человечества – начиная с Христа и кончая антихристом в лице Гитлера.

Арам засмеялся:

– Да их никогда не разгадают! И насчет гениев... По– моему, это чушь собачья.

– Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой! – пропел Валерка. – Французский ученый Лассег говорил, что гений – это нервное расстройство. Хотя никто не утверждает, что гений должен быть сумасшедшим, бывают вполне здоровые и уравновешенные таланты. Никто не заявлял, что всякий сумасшедший – обязательно гений. Но это научный факт – гениев, которые в порядке, намного меньше, чем остальных. Ты Ломброзо читал? Так вот, он выдвинул мнение, что психические болезни вовсе не означают полного сумасшествия, наоборот, иногда они наделяют психопата настоящей остротой и оригинальностью ума и огромной энергией. Даже порой трудно сразу понять, что перед нами психически больной. Я слышал, что слово «гений» произошло от арабского «джинн», то есть злой ДУХ.

Арам усмехнулся:

– Ну, это не доказано, я думаю. Все переводы достаточно условны. А что такое высшее искусство автора? Это вроде искусства наездника: так держать узду, чтобы управлять и движением лошадей, и повозкой, сдерживая их, но в то же время и давая свободу.

– А по–моему, это рационально, и так делает любой умелый человек, – возразил Панин. – Для гения нет таких слов, как «думать» и «управлять», а если уж его сравнивать с возницей, то он никаких вожжей вовсе не знает и их не держит, а его повозка просто несется куда несется – и все! Но несется она гениально и неповторимо!

– Ты вспомни печальный миф о Фаэтоне! – не сдавался Арам. – И «сорвавшаяся» «повозка» именно большого таланта как раз может сжечь сильно и серьезно все вокруг...

Валерий свистнул.

– Гений есть гений, его никто остановить все равно не может! Он не живет никаким «рацио», ни о каких последствиях не думает, для чего вообще и как что-то делает – сам не осознает и вопросов таких не ставит. Просто его творческий порыв работает, работает и несет, несет – сам собой, без всяких вопросов, границ и представления об управлении.

– Ну ладно, насчет гениев ты все выучил наизусть. А дегенераты? – хитро спросил Арам.

– Что дегенераты? Ты, конечно, думаешь, что это кретины, которые сидят в домах для сумасшедших? Здесь тоже все не так однозначно. Часто благодаря комплексу власти, который наблюдался еще у негритянских колдунов и сибирских шаманов, эти «ошибки природы» становятся великими, занимают кресла вождей, фюреров, президентов и премьер-министров. Правда, их родственники, чаще всего дети, попадают в психушки. Например, у Александра Македонского брат был идиотом, сын Мао Цзэдуна сидел в сумасшедшем доме, а сестра президента Кеннеди провела там вообще чуть ли не двадцать лет. И у начальника американской разведки Аллена Даллеса сын тоже лечился от нервного расстройства. Можешь поинтересо-

ваться у своего профессора – он тебе подтвердит. Хотя допускаю, что это все слухи. Люди часто болтают попусту. Но нет дыма без огня. А ты слышал о признаках вырождения?

Арам смотрел с интересом.

– Их вообще немало, но один из них – отвращение ко всякой работе, ужас перед деятельностью, болезнь воли, ее коллапс. И вот такой безвольный, одержимый страхом перед работой, вырождающийся тип заявляет, что он презирает труд, что ему нравится безделье. А чтобы оправдать себя, лепит философскую теорию, выдумывает метафизические системы, пробует решить вековые тайны мироздания, разыскивает квадратуру круга и эликсир премудрости... Мечтает о всеобщем счастье и придумывает планы преобразования Вселенной, поражая мнимой любовью к ближним и страшным эгоцентризмом на самом деле. Конечная цель всех гениальных вырожденцев – пропасть или пустыня, но, конечно, не пустыня Христа.

– Значит, Обломов – вырожденец? – спросил Арам.

– А ты что, сомневался? Он такой и есть в романе. Зато у всех поэтов-вырожденцев – богатство рифм и стилистический блеск при полном отсутствии всякой мысли.

– Обломова Гончаров писал с себя! – возмутился Арам.

– Ну и что? Все писатели дарят героям свою душу, сечешь? Возьми того же Тургенева – мужчины у него вечно слабаки, а женщины – о-го-го! Литераторы переносили свои психические проблемы на окружающий мир, валили с больной головы на здоровую. И получалось кривое зеркало, карикатура. А потом они же обвиняли общество и требовали его исправить. Хотя проще исправить самих писателей... Нет, это тоже сложно. Но личные заморочки толкали литераторов на конфликты с правительством и цензурой. Ведь не один Достоевский писал про людей с отклонениями. Взять пьесы и рассказы Чехова: откровенный параноик Солёный, патологический фобик Беликов, Коврин, доктор из «Палаты № 6» – настоящая галерея людей с психиатрическими диагнозами. Врубель начал с росписи церковей, а кончил – демонами. Толстой говорил о Достоевском, что тот сам больной и все его герои тоже больные. А Достоевский отвечал: «Толстой совсем помешался». Привычный обмен любезностями между талантами. Они друг друга не переносят – это аксиома. Я слышал, что Достоевский не любил своих героев. Да и как любить этих психов, которые будят тревогу? Зато на Западе до сих пор по героям Достоевского судят обо всем русском народе.

Арам молчал, думал.

– А вот тебе, историк, вопрос на засыпку: откуда пошло слово «шизанутый»? И где его впервые употребили? – спросил Валерка.

Айрапетов пожал плечами.

– Не знаешь? А еще берешься меня учить! В «Слове о полку Игореве» написано «шизым орлом».

– Ну и что? Это чередование в том языке буквы «с» на «ш» в слове «сизый».

– Уверен? А может, имеется в виду, что орел был шизанутым, ненормальным?!

– А «галицы» в «Слове» – это точно имеются в виду галки? Может, это жители Галиции? – весело подхватил Арам.

– Нет, тогда были бы «галичане»! А Кобяк – бяка?

– Я что-то не помню, кто такой в «Слове» этот Кобяк.

– Объясняю, будущий историк. Тебе стыдно не знать. Это – половецкий...

– А-а! Раз половецкий – значит, бяка!

– А ты почему мне сегодня сразу не открыл? – вдруг спросил Валерка. – Я полчаса курсировал по улице.

– Думал, козлы какие-то наезжают – вот и не открыл. Пристают вечно: моя кавказская морда им не нравится... Ну и вид у тебя, Шарапов... Косая кожа, темные очки... Вырядился! Хорошо, что моих родителей дома нет. А то они бы тебя покусали. Опять с дядей Борей тусуешься?

На этот раз промолчал Валерий.

Арам подружился с Валеркой давно и очень быстро – начал меняться с ним марками. Правда, родители обоих утверждали, что это они сдружили сыновей, но такое заверение было полуправдой. Тогда Валерий, заядлый филателист, называл себя маркистом и все удивлялся, что Арам изучает сразу несколько иностранных языков с частными учителями.

Еще Валерка увлекался футболом. Но оставил свое увлечение, просто его уничтожил после одного случая. Валерий делал уроки перед финалом мира, и, естественно, в мыслях упорно и навязчиво крутился будущий матч...

Потом Валерка стал себя проверять и ахнул. У него в тетрадке было написано следующее: «Япония – страна Дальнего Востока, расположенная на группе островов. В команде ЦСКА играют Семак и Кулик. Всего островов Японии около трех тысяч. В полуфинал «Динамо» вышло со счетом 4:2...»

Все, приказал себе Валерка, приехали! С этим надо кончать. И забыл про футбол.

В младших классах у Валерки была угроза в ответ на любой выпад:

– Нос откушу-у-у!

Потом угроза видоизменилась:

– Уши отрежу!

Позже устрасилась окончательно:

– Да я тебя порежу!

И наконец, трансформировалась так:

– Искромсаю на куски!

– Парковое влияние! – вздыхала мать. – Это Измайлово...

И она обрадовалась, что сын подружился с Арамом, который проявлял «непомерные» знания. Хвастался Валерке:

– Вот спроси меня любое слово – я тебе переведу на английский!

Валерка глянул вокруг – увидел стенд, посвященный войне, и изображение русского солдата.

– Ну вот, например, «солдат» как будет по-английски?

Арам не смутился ни на секунду:

– А так и будет – «сольдат»!

Только Валерка никогда не считался логиком. Открыл дома большой русско-английский словарь, и понт легко раскрылся. Арам был разоблачен торжествующим приятелем.

Валерка оторопел, впервые попав в просторную квартиру Айрапетовых. Четыре большие комнаты плюс огромная кухня. А ванная... Шикарно! Показная роскошь была прожектором прямо в глаза. Арам заметил изумление приятеля и смутился.

Айрапетовы купили эту квартиру в Измайлове и переехали сюда, когда мальчики учились в третьем классе.

Валерий вздохнул, вновь оглядывая свою бедную квартиру. Кто он такой сейчас, Валерка Панин? Проходная пешка... В смысле, пройдет и забудется... Хотя иногда в шахматах проходная пешка превращается в самую сильную фигуру.

И Валерий должен стать королем положения, который не падает ни при каких обстоятельствах. Или уж в крайнем случае, при условии поражения, все равно добиться могущества. И умереть властелином жизни.

Он почти уверовал в свою ровную, гладкую, без сучка и задоринки, судьбу.

– Разве вы уже уходите? Так быстро? – прилип Валерий к дядьке. – Посидели бы еще... Чаю бы попили... Слово за слово...

– Нет, пора, – усмехнулся дядька. – Труба зовет. Служба то бишь.

– И когда вас ждать снова? От этой вашей трубы. – Валерий горел желанием вызнать побольше о таинственном наследстве. – Я бы не возражал пообщаться снова.

Дядька солидно и с удовольствием кивнул:

– Зайду... А на кой ляд тебе, племянничек, психиатрия? Мать рассказала, ты на этой самой науке собираешься специализироваться в будущем.

Валерий немного посерьезнел:

– Очень много белых пятен.

– И ты, конечно, намечаешь часть этих белых пятен сделать яркими, – добродушно ухмыльнулся дядька. – Похвально, похвально... Голубь ты мой! Когда, как не в молодости, мечтать?

– А вы считаете, что это только мечты?

– Да нет, почему же... И когда, как не в молодости, дерзать... А тебе, Галка, я вот что скажу... Неправильно ты живешь! И сына неверно вырастила.

Мать угрюмо молчала.

– Это КЭ.К же неверно? – моментально встрял Валерий. – Хотелось бы знать... Объясните одним словом.

– Ладно! – весело махнул рукой дядька. – Как-нибудь в другой раз. Встретимся, напьемся и разберемся. Бывайте, Гиппократы! – И он вышел на площадку.

– Телефончик-то оставьте! – крикнул ему вслед Валерий.

– У матери возьми. – И дядька бодро зашагал вниз по лестнице, проигнорировав лифт.

Валерий покосился на мать, тотчас понял, что от нее ничего не добьешься, и отправился к себе долбить анатомию дальше.

Почему дядька, появившись однажды, случайно и странно, точно так же, случайно и странно, выпал в далеком далеке из жизни Валерия? Этот вопрос занимал его довольно часто, особенно когда Валерка внимательно оглядывал стены родного, но такого бедного, почти нищего дома или когда слышал сдержанные жалобы матери – опять нет денег... Надо отдать ей справедливость – роптала она редко. Вообще Галина Викторовна была человеком выдержанным, сохраняла спокойствие при любых обстоятельствах, иногда казалась даже холодной и почти равнодушной. Но иначе она не смогла бы работать в Ожоговом центре.

– А ты жалеешь своих больных? – спросил ее как-то Валерка.

Ему тогда было лет двенадцать.

Мать кивнула:

– Конечно. Только, понимаешь... Совсем не так, как ты это себе представляешь. Моя жалость – она отстраненная, далекая от больного. Ведь если подпустить ее к себе, начать плакать над каждым пострадавшим, пиши пропало! Лечить ты их уже не сможешь – все твои силы уйдут на эту жалость. Тут либо жалеть, либо помогать и спасать, третьего не дано. Но ты, Валерик, помни: если ты врач, то перед тобой больной человек, как бы он себя ни вел! Ему тяжело, плохо, он мучается, с трудом справляется с болью и тревогой... И ему приходится порой многое прощать. Через не хочу и через не могу. Потому что иначе нельзя.

Тогда он не очень понял мать, но запомнил ее слова. Позже дошло, как это трудно – прощать людей... Любых – и больных, и здоровых. И трудно всем без исключения.

Порой он задавал матери неожиданные вопросы:

– А зачем в морге сторож? Мертвецы ведь убежать не могут... И насколько я понял, человек не может жить без головы, так? Следовательно, если человек отвинтит себе голову – то он умрет, правильно я понимаю?

Галина Викторовна смеялась.

Валерка вырос в атмосфере медицинского дома. Здесь всегда говорили о почках, печени, тромбозах, швах, скальпелях, анестезии... Отец Валерия Михаил Дмитриевич Туманов

занимался пересадкой почек и защитился. Мать с уважением повторяла, что защитился блестяще.

– Когда кто-то пытается утверждать, например, что «язва неизлечима», я отвечаю так: «Батенька! Есть всего две неизлечимые на сто процентов болезни: бешенство и рак в четвертой стадии. Ну, может, еще рассеянный склероз...» И все! – говорил матери отец.

Валерка прислушивался.

Мать тоже нередко делилась «ожоговыми» впечатлениями.

– Девушку привезли... Так кричала, бедная! Схватила за невыключенный кипятильник. Рука никуда...

А еще был сегодня мужчина. У него упал включенный паяльник, и этот бедолага тоже машинально взял свой инструмент. В больнице хвастал, что даже не орал. Не очень верится, думаю, немного приукрасил. Но должно быть, кричал все-таки меньше и короче, чем дама, – мы по-другому устроены. Но говорит, в воздухе почувствовал запах горелого мяса. Рука долго будет заживать...

Недавно отец рассказывал про экстремальную операцию для лечения позвоночника:

– Больному удаляют ребро. И из этого ребра вытачивают...

– Еву! – быстро вставил Валерий.

Родители дружно ласково засмеялись.

– ...которую потом сажают тебе на шею.

Отец выразительно хмыкнул:

– Я имел в виду, что специальный разъем из кости вставляют в шею... Но мысль твоя развилась довольно удачно!

В глубине души Валерий гордился родителями, хотя эта глубина оказалась чересчур огромной. На поверхности души лежало совсем другое – постоянные разлады в семье, ссоры родителей, крики отца, тяжелое молчание матери... Валерий не очень вникал в суть их отношений. Не потому, что был равнодушным или открыто принимал сторону кого-то одного. Просто не хватало душевных сил на понимание, на проникновение в самые потаенные уголки... Это с одной стороны. С другой – и проникать туда не слишком хотелось. Валерий понимал, что вряд ли найдет там для себя что-то важное, скорее – обнаружатся довольно нехорошие подробности и постыдные детали. А вот этого он знать не желал. Пусть родители останутся для него до поры до времени светлыми и высокими, ничем не замутненными и не запачканными. Конечно, это все идеальные образы, в жизни так не бывает и быть не может. Но Валерий пытался сохранить семью именно в некоем радужном ключе. Очевидно, сильно походил на мать, которую дядька считал идеалисткой.

Вот только вопрос о наследстве... В этом Валерий явно расходился с матерью, но выпрашивать ее не осмеливался. Осторожно попросил номер телефона дяди, и Галина Викторовна нехотя его дала.

Но пока там никто не отвечал. Очевидно, у дяди не было не только детей, но и жены.

Стоило, как всегда, посоветоваться с лучшим другом Арамом. И Валерий вызвонил его и вытянул вечером во двор.

Глава 3

Арам согласился неохотно, привычно не вырубив плеер. В наушниках пели Bad boys... Хорошо...

Соседка по площадке, крашенная вертихвостка Эльвира, все спрашивала кокетливо, чем ему нравится такая музыка. Утверждала, что обожает Бетховена. Почему люди так любят врать? Бетховен... Слышала где-то это имя... И игриво предлагала послушать какой-нибудь оркестр вместе в более подходящем месте и в более удачное время.

Дура! Могла бы сделать Араму предложение поинтереснее... Но она уже пожилая, ей, наверное, за тридцать. Если не больше. Не стоит, так сказать, благодарности. Хотя какая разница, сколько ей лет?.. При мысли о женщинах у Арама каждый раз болезненно напрягалось тело, все назойливее диктующее свои желания.

Он часто поглядывал на себя в зеркало. И всегда радостно убеждался, что морда у него вполне ничего. И фигура тоже. Широкие плечи и грудь. Мускулы... Не напрасно покупал гантели. При его внешних данных девки должны носиться за ним стройными колоннами. Чего ж тогда не носят?.. Одноклассницы вели себя чопорно, надменно, близко к себе не подпускали... И бегать за ним в ближайшем будущем явно не собирались. Видно, надумали беречь свою честь не только смолodu, но и всю дальнейшую жизнь. Идиотки! Даже его довольно известная фамилия не сделала их покладистее. А почему?

Он даже как-то отважился и написал в Инет – нашел виртуальную консультацию психолога по вопросам отношений между полами.

«Извините, я использую некоторые грубые выражения, но просто иначе не передать сути. А мне нужно, чтобы вы меня поняли, – писал Арам. – Вот иду в свою институтскую тусовку и слышу от своих приятелей за водкой такие рассказы: «Ночью Кротов опять бабу трахал»; «Да на его член уже очередь девок стоит, он сначала одну трахает, потом вторую»; «Мне тут одна из магазина хотела дать, да у меня самого чего-то не вышло...», etc. И вот, слушая все это, я стал думать: как у них всех так легко получается? Что за женщины им так запросто дают? И почему тогда мне не дают? Объясните мне, в чем тут расклад и чего я недопонимаю».

Психолог спокойно и насмешливо написал в ответ:

«Молодой человек, вы можете не волноваться. Если ваши приятели именно в таких выражениях говорят об этом (а вы правильно сделали, что дословно мне написали буквально все), могу вас уверить: что такое женщина, они сами не знают. Скорее всего, у них ни одной женщины никогда в жизни не было, а если у кого-то одного и была, то это эпизод, случайный и нелепый, о котором и говорить не стоит. Как себя вести с женщинами, они понятия не имеют и более того – сами никому из женщин не нужны и никто им давать не собирается. Это я утверждаю как специалист-психолог по вопросам пола – такие разговоры и в подобных выражениях вашу тусовку выдают с головой. А вы удивляетесь и недоумеваете, просто поверив их выдуманной болтовне, порожденной их же комплексами. Не верьте, не надо!»

Арама этот мудрый дяденька успокоил, но он все равно часто терялся рядом с девушками, не знал, о чем с ними говорить, как их развлекать, куда лучше приглашать... Может, именно в этом его главная беда?.. Как научиться легкому и свободному перебарыванию фразами? Как овладеть искусством сыпать пошловатыми и банальными комплиментами? Их девицы обожают. Им нравятся трещащие без остановки парни, запросто опускающие тяжелые руки на девичьи плечики. Слабые женщины, что с них взять, думал Арам. И потом... В школе его всегда затмевал Валерка Панин. Ему Арам не завидовал – просто любил, – а консультироваться с более опытным приятелем стыдился, хотя, вероятно, именно Валерка мог помочь дельными подсказками и практическими советами.

И эта Женька... Арам вспомнил ее словно запыленные серые глазищи («На морде не помещаются!» – хохотал Панин), вздрогнул и сразу попытался переключиться на другое. Женька... Больная, опасная, с некоторых пор запретная тема...

Но память проснулась и теперь диктовала свои условия, наплевав на юного хозяина. Она делала свое дело, доказывала, что жива, поскольку воспоминания – ее главная задача.

Случилось это в Измайловском парке. Родном, привычном, исхоженном ими до самых узких и кривых, спрятавшихся в глуши тропинок... Иногда Араму казалось, что не будь рядом, прямо под боком, этого могучего, задумчивого, местами безразлично-глуховатого леса, сбереженного городом по чистой случайности, и его жизнь, жизнь Арама Айрапетова, пошла бы какими-то совсем другими изгибами и поворотами.

Всем распоряжалась осень, первая его осень в университете, привычно сыrovатая, с обессиливающими сине-желтыми полднями и тревожными, таинственными, шепчущими о чем-то своем ночами, пересыпанными тихими долгими дождями и укутанными белыми иезуитски-ласковыми туманами.

Вышло все неожиданно, хотя Арам давно этого добивался. Просто не знал, с какой стороны лучше подступить.

Где-то высоко, над макушками деревьев, посвистывал продувной ветер. На скамейке было очень неудобно и жестко, а главное, Женька оказалась такой странно податливо-неподатливой... Тяни-толкай в юбке. То кокетничает, то отпихивает. А потом снова хихикает. Чушь собачья...

Все, абсолютно все ушло куда-то далеко-далеко, на задний план, все забылось: родители, друзья, учеба... Осталась одна лишь Женька... И смешивались два горячих торопливых дыхания, перепутывались волосы, сплетались пальцы...

– Жень, Жень, Жень... – повторял Арам, зарываясь носом в ее лохмушки. – Как хорошо тебя называли: Женька...

– А если бы меня назвали иначе, я бы тебе не понравилась? – спросила она с любопытством.

– Нет, тебя не могли назвать иначе... Только Женька... Ты не понимаешь... Все равно... Знаешь, что я сейчас подумал? Теперь мне и умереть не страшно...

– Не глупи! – строго сказала Женька, поглаживая его по лбу. – Что за мысли такие – умереть?

Он раздевал ее торопливо, напряженно, весь потный от волнения. Женька помочь ему не хотела, но сильно не отбивалась, не кричала на него, не делала решительных попыток встать и уйти... И смеялась:

– Не торопись, а то успеешь...

Он даже не понял, получилось у них что-нибудь или нет. И очень боялся, что их кто-нибудь заметит, боялся самой Женьки и всего того, что задумал сделать. Это как в первый раз спрыгнуть в воду с вышки. Вода внизу переливается на солнце, ослепляя, приманивает, заигрывает с тобой, и в животе у тебя все замирает от сладкого ужаса и нестерпимого желания прыгнуть...

И Женька не стонала от боли. Было не похоже, что ей вообще больно. Хотя... Нехорошая мысль догнала Арама уже позже, когда он топал домой. А если он у нее не первый? Женька – девица лукавая и кокетливая. Темная лошадка.

Арам знал о ней маловато, несмотря на то что жили они в одном дворе, в соседних домах. В глаза бросалась ее необычная красота: тонкие длинные, небрежно причесанные волосы – она их всегда задумчиво поправляла, словно машинально, но наверняка продуманно, – глаза, словно присыпанные пылью, которым лицо действительно выделило неоправданно много места. Арама занимал постоянный нервный жест Женьки: заплетать–расплетать себе косы. Она уже навострилась делать это безупречно и моментально. Раз-два – и заплела

обе косы. Посидит с ними немного – раз-два – и расплела снова. Потом опять заплела. И опять расплела. И так за вечер с дюжину раз – туда-обратно.

Одевалась Женька всегда модно, с претензией, и пахла какими-то немисливо дорогими духами. Держалась особняком. Ходила горделиво, высоко подняв голову, словно знала о себе что-то такое, о чем окружающие не догадывались.

Отец Женьки стал крупным бизнесменом. Хотя лет десять назад Евгений Петрович Мягких жил как все, ничем особенно не выделяясь, обыкновенным человеком был. А потом, в середине девяностых, когда перестройка достигла глобализации, решил рискнуть. Жена отговаривала его, даже плакала. Боялась неизвестности. Зато теперь Серафима Гавриловна завела штат прислуги, разъезжала по магазинам в джипе с личным водителем и разговаривала через губу.

Женька про себя часто посмеивалась над изменившимися родителями, но эти изменения ее радовали. Полезные они оказались, эти изменения, выгодные.

Отец приезжал зачастую в шесть часов утра и валился спать – уж эти его рестораны! А потом домработница Тося кормила его чуть ли не с ложечки. Хотя отец вообще был далеко не ручным, но этой Тосе позволял все...

Мать молчала и почему-то Тосю не увольняла. Тося была отличной домоправительницей, мастерицей на все руки и тихой, спокойной. Однажды Женя случайно услышала разговор матери по телефону с одной из ее подруг.

– Я столько домработниц повыгоняла, – горько жаловалась Серафима Гавриловна. – А как новая – так опять все снова-здорово... Пусть уж Тонька остается. Мы к ней привыкли. – И мать подавилась истерическим смешком.

Да, насчет Тони Женя все отлично поняла давно, но никогда не возникала, а к Тосе относилась ровно и спокойно, как асфальтовый каток к окружающему пространству.

Жене нравилось учить языки, валяться с учебником немецкого на диване или на теплой траве в парке, нравилось писать заметки и зарисовки, демонстрировать свое превосходство перед одноклассниками и сокурсниками. С помощью отца Женины пробы пера уже стали публиковать в газетах. Столичная штучка на все сто процентов, она считала, что для ее жизни должны быть обеспечены комфортные условия.

Арам ухлестывал за Женькой целых два с половиной месяца, как положено и принято, как у всех всегда начинается по заведенному стандарту. Они ходили в Измайловский парк, бродили там по змеистым дорожкам и с удовольствием лизали вкусное московское мороженое. Женька искоса поглядывала на кавалера, словно невзначай, но с каким-то непонятным ему выражением, будто чего-то от него все время ждала. Чего? Арам догадываться боялся, хотя примерный план развития их отношений в его голове, конечно, существовал. Но уж чересчур приблизительный, да и приступить к нему Арам жутко страшился. Странно, ведь и некоторый опыт у него уже был. Почему-то рядом с Женькой он не срабатывал...

– А воробьи, они космополиты, – задумчиво сказал Арам, глянув на суетливую взъерошенную стайку.

Женька фыркнула.

– В данном случае это термин, принятый в биологии. То бишь вид, который обитает одинаково по всей Земле на всех континентах. Воробей – он живет всюду, во всех частях света.

Об этом Араму рассказал Валерка.

– А-а! – пропела Женька. – Но все равно очень смешно: воробей – космополит... Маленькая серенькая птичка – и исповедует космополитизм!..

Под ногами хрустели ломкие осенние листья.

– Листья – бомжи... – пробормотал Арам. – Бездомные и бесприютные. Несчастные... Обреченные на гибель...

Женька снова засмеялась и взялась собирать «бомжей» в букет, лениво рассказывая о том, что, если листья клена погладить утюгом, они будут стоять долго-долго.

– Но вообще-то я больше люблю цветы, – заявила она и опять покосилась на своего спутника. Мимоходом поглаживала сырые, стылые стволы деревьев и звала белок. Кормила их с ладошек. – Да, цветы, Айрапетов, лучше, – повторила она. – Хотя так долго не стоят. Правда, сейчас эти торговцы научились что-то там подбавлять в воду... Ты не знаешь что?

Арам покраснел и помотал головой. Намек более чем прозрачный... Ну конечно, как же он сам недокумекал: девушкам всегда цветы подавай! А этой особенно... Но деньги... Свои карманные и немаленькие он моментально проматывал на пустяки, а матери правду про Женю не расскажешь. Да и не даст она даже сотни на такое баловство, каковым считала всякие цветочки и девиц. Кроме того, мать под влиянием отца стала в последнее время проявлять непонятную скупость и считать каждую десятку. При отцовских заработках это было смешно. Больные, мечтающие хорошо видеть, несли подношения – о-го-го! За глаза отдавали многое, а что там говорили за глаза... Отец, великий офтальмолог, на это плевал.словно в награду за свою способность к наживе он шагал в гору и богател.

Но что Араму делать сейчас? Перехватить займы?

Поразмыслив, Арам обратился за деньгами к Валерию. Тот, ухмыляясь, тотчас вытащил из кармана столик, вчера вечером выклянченный у отца, доброго и размякшего после удачно сделанной операции. Но не утерпел и справился:

– А тебе для чего? В казино намылился? Смотри, продуешься... Чем отдавать станешь? Хотя я, конечно, могу ждать долго. А могу даже тебе этот долг списать. Если тебе сейчас жизненно необходимы деньги.

Арам покраснел:

– Необходимы... Очень... Женя любит цветы...

Панин присвистнул:

– Мечтаешь завалить ее букетами в бумажных юбках? Но девицы не только цветочки любят. Как начнет она из тебя бабки мотать: то театры, то бары, то шоколады... А тряпки? Всякий там эксклюзив... Сечешь? Ты смотри!

– Я и смотрю! Не стоит, так сказать, благодарности, – буркнул Арам. – А ты откуда все это знаешь?

Валерий с загадочным видом посмотрел вверх. Приятель либо на самом деле был опытнее Арама, никогда ничего не рассказывая о своих похождениях, либо прикидывался таким. Но довольно умело и ловко.

– Да оттуда! Подумаешь, невидаль! Наука несложная. Скоро и ты будешь в курсе всех подробностей, я тебе обещаю. Просветишься запросто. Не так сложно...

От первого роскошного букета Женька просто растаяла, всю прогулку нюхала букет, не вынимая из него тонкого носа, словно ничем в жизни не дорожила больше, чем этим пышным красно-розовым даром в прозрачных оборочках. И снова искоса с любопытством посматривала на Арама. Все в порядке...

Потом они сели на скамейку, и Арам впервые отважился положить руку ей на плечо. Рука казалась деревянной, неживой, словно взятой на время напрокат от другого тела. Она плохо подчинялась, почти не слушаясь своего хозяина. Женькино плечо было горячим даже сквозь ткань куртки, и держать на нем руку Арам, наверное, мог бы до бесконечности.

– Не торопись, а то успеешь! – расхохоталась Женька, будто не замечая его протезной руки. – Слушай, Айрапетов, а что это за морды за нами все время шляются? Они тебе не надоели? Вон, опять по лужам шлепают...

Арам удивленно оглянулся. Непонятного, странного вида господин постарался неловко скрыться за дерево.

– Вот дурак! Даже прятаться толком не научился! – продолжала Женька. – Я его давно узнаю в лицо.

– Ты сказала: несколько... – удивленно пробормотал Арам. – А тут один...

– Так ты вообще ничего не замечал? Вот втрескался! Повезло мне! Они меняются, эти типы. Но таскаются за нами по пятам непрерывно, как приклеенные.

Араму стало холодно. Он неловко снял деревянную руку с плеча Жени. Он действительно не видел ничего вокруг, кроме нее, одной-единственной. А за ними следили... Почему? Что случилось? Странно, но Арам не сомневался, что это связано именно с ним, а не с Женей. Так настойчиво твердил его внутренний голос, которому стоило доверять. Но чем он привлек внимание этих загадочных сыщиков? Что натворил?!

Память заработала в бешеном темпе. Что, что, что он совершил?! Нет, ничего предосудительного не помнил за собой первокурсник Арам Айрапетов. Но чем же тогда вызван этот необъяснимый нехороший интерес именно к нему, Араму Айрапетову, безумно влюбленному в сероглазую модницу Женьку? Что от него нужно?!

Женька пристально наблюдала за ним, переплетая косы.

– Ты что так испугался, Айрапетов? – насмешливо спросила она и опять сунула нос в букет.

– Я?! – обиделся Арам и резко выпрямился. – Чего мне пугаться? Просто непонятно...

– Да ну! – безмятежно махнула рукой Женька. – Ерунда! По-моему, они нас просто с кем-то перепутали. У них бывает. Тем более у таких обалдуев. Ну и рожи! Ты к ним присмотришься.

Их ни с кем не перепутали. Только узнал об этом Арам значительно позже.

– Ты что, весь в волнениях страсти? – мрачно спросил он, усаживаясь на мокрую скамейку возле Валерия.

И опять передернулся от воспоминаний: проклятые скамейки... Все то же самое...

– Страсти... Провалились они пропадом! Сбился с курса, – пробурчал Панин. – Ты как относишься к деньгам?

Арам хмыкнул:

– Замечательно, когда они есть, и плохо, когда их нет. Тебе это зачем?

– Слушай... – Валерка подвинулся поближе. – А ты в клады веришь?

– Во что? – прищурился Арам.

– В клады. Сечешь? Такие оставленные в земле драгоценности... В мать сыру землю зарытые брюлики. Алмазики там всякие, золотишко... Мистика, одним словом.

– Кучеряво... – протянул Арам, пристально осматривая друга. – Анекдот слыхал? «Ты где, дедушка, зарыл клад?» – «В земле». – «А точнее?» – «Это третья планета от Солнца».

Приятель злобно усмехнулся:

– А ты любишь своего отца?

Арам задумался:

– Да, люблю...

– Любишь... – задумчиво протянул Валерий. – Я так и думал...

– А почему ты спрашиваешь?

– Значит, ты полностью доверяешь родителям... – пробормотал Валерий, не отвечая на вопрос.

– Ну да, – кивнул Арам.

Что это вдруг Валерка заинтересовался его любовью к отцу? Приятель смотрел так недобро-выпытывающе, словно хотел вытащить на свет не только подноготную, но и что-то к ней добавить, что-то в ней исправить. Или Араму это лишь показалось?

– Ладно, оставим все глупости. Кому она нужна, эта правда... – пробурчал Валерий. – Сам знаешь, какие у меня отношения с моим папашкой...

– А правда, как ее ни скрывай, все равно всплывет, – объявил Арам. – В советских фильмах на тему царствования последнего русского царя, естественно, всеми силами стремились показать Николая Второго подлецом и извергом. А не вышло! Вот смотришь советские исторические фильмы – и видишь образ плохого политика, трусливого, слабого, недальновидного человека: Ленина и компанию просмотрел! Но вот образ подлеца не складывается ни в какую, как ни пытались советские сценаристы!

– Что все-таки скажешь насчет побрякушек? – вернулся к прежней теме Валерий.

– Поищи через Интернет, – вяло посоветовал Арам.

Его явно не увлекала тема фамильных драгоценностей. Что говорить, когда нечего говорить...

Панин махнул рукой:

– Пытался... Ни фиги не нарыл! На сайтах есть кое-какая информейшн о старинном дворянском роде Паниных. Ее даже немало, но она повторяется, а сведений о наследстве нет как нет. Очевидно, эта тайна хранится лишь в нашей семье.

– Да зачем тебе понадобились ваши загадочные сокровища? – мрачно уставился на приятеля Арам. – Для чего нужны эти, скорее всего, мифические, призрачные, несуществующие брюлики? Чувшь собачья!

Валерий сам задавал себе такой вопрос не раз и был не в состоянии на него ответить. Он жадный? Да вроде нет. У него не на что жить? И это неправда. Тогда что же? Что мучает его? Что заставляет отыскивать фамильные реликвии Паниных? Найти во что бы то ни стало...

– Из башки не выходят... – пробубнил он и потер лоб.

Валерий и ругал себя, и злился на себя, и пытался бросить ничемные, бесполезные поиски, но оказался бессильным перед самим собой. Сложнее всего сражаться с собственным характером, а уж победить его – вообще задача из задач... Но выиграть у противника может лишь тот, кто победил себя. И если Валерий не в силах сражаться с собой... На что он тогда годится? А люди... Они испокон веков стремились к богатству, как поток воды всегда несется вниз, а не в разные стороны.

– У меня мать привязалась к Вертинскому, – задумчиво сказал Валерий. – Целыми днями у нас теперь грустит в углу попугай Флобер и плачет по-французски... А я думаю: что, плакать по-русски или по-испански – это как-то иначе, чем по-французски? Мне кажется, что плач – это вытекание слезной жидкости из глаз, и какое отношение оно имеет к национальной принадлежности плачущего? И может ли приобрести какую-то национальную манеру? Наверное, имеется в виду, что попугай, плача, заодно произносит французские слова. Но все равно сказано шиворот-навыворот... По-моему, мысль выражена не адекватно.

– Ты никогда не понимал поэзию, – засмеялся Арам. – Знаешь, тебе нужно успокоиться. Скоро экзамены. Ну, когда тебе заниматься этими поисками? Сдашь сессию – тогда и попробуешь.

– Это еще не скоро... – пробормотал Валерий.

Приятель взгляделся в его лицо:

– Может, ты маньяк?

– Маньяк... – пробубнил Валерий. – Маниакальный синдром... Ты сечешь, что это такое? А опять рассуждаешь... Люди с чисто маниакальным синдромом встречаются реже, чем с депрессивным или маниакально-депрессивным. На первый взгляд парадоксально, но маниакальный синдром на поверку куда опаснее депрессивного. И вот почему. Человек с маниакальным синдромом побежит играть с «милым, забавным бычком», возьмет в руки «красивую змейку» и полезет целоваться с бандитом... Чем чревато – ясно. А депрессивный, по крайней мере, таких вещей не сделает.

Он вспомнил: Женьке полюбился мягкий мамонтенок, стоявший у Валерки на книжной полке. Ей нравилось держать игрушку в руках, она мамонтенка всего общупала, любовно-

куражливо часто трепала за хвост и хобот, весело шлепала по попе. И обнаружила – Валерка и раньше это заметил, – у мамонтенка попа набита чем-то вроде песка или камешков.

Валерка рассказал ей случай из своего детства: у него тогда был слоник. И однажды мать дала ему слоника с собой, когда вела к зубному врачу, чтобы одному было в кресле не так страшно. Валерка попросил докторшу посмотреть и полечить зубы (бивни, очевидно) его слонику. Докторша охотно «въехала» в суть дела, посадила слоника на бормашину, покопалась у него под хоботом своим крючком, «посверлила» и даже под хобот ему прилепила ватку: мол, и ты с ваткой во рту посиди, и слоник твой. И так все здорово прошло, и совсем не страшно в такой слоновьей компании.

Женька посмеялась, опять взяла мамонтенка, снова потрепала за хобот и пошлепала по попе. И внезапно призналась:

– Если бы он был мой, я бы не смогла удержаться от соблазна – взяла бы ножик, распоролла бы его сзади и посмотрела, что там у него внутри: песок или камушки...

Валерка хмыкнул:

– Именно поэтому дети – сечешь? – ломают игрушки. Хотят понять их устройство – такое вот непосредственное ребячье любопытство. И говорят, у маньяков тоже, по сути, детская психология, но только, увы, бесконтрольно «переезжающая»: маньяк хочет узнать, что внутри у человека, и его самодеятельно распатренивает.

Он наклонился и галантно поцеловал Женьке руку.

– «Ваши пальцы пахнут ладаном...» Поди, санитары в морге получили щедрые чаевые, если от трупа так хорошо пахнет.

Женька кричать и падать в обморок не стала, а, не тушуясь, не теряя своей обычной приветливости, отозвалась непосредственно-деловито:

– Нет, просто поэт ее видел во время отпевания в церкви, вот и все!

Валерий ответил в тон:

– Но сказано: «пальцы пахнут»! А она все-таки не святая... Запах в церкви – он не от пальцев.

– Ну, он просто ее очень горячо любил! Это посвящение Вере Холодной.

Валерка присвистнул:

– А-а! Он горячо любил Холодную. Его Вера была Холодная.

Женька расхохоталась.

Валерка вспомнил все это, встал, потянулся и сказал Араму, тоже спокойно и деловито:

– Хочу расслабиться. Дай я немножко тебя подушу.

Подошел и сцепил сильные пальцы на шее приятеля.

Айрапетов взбеленился, вскочил, резко оторвал от себя друга, отбросил подальше, а затем, точь-в-точь с его интонацией, сказал, строго погрозив пальцем:

– Сиди смирно, археолог! И не балуй!

Глава 4

Отцы Арама и Валерия дружили давно. Познакомились когда-то на конференции медиков в Питере. Виген Айрапетов прилетел туда из Еревана и три вечера подряд, после заседаний, бродил вместе со своими новыми знакомыми по сырым улицам.

Вспомнил, как дочь однажды рассказывала, что Достоевский написал в анкете: «Люблю тебя, Петра творенье... Извините, не люблю. Вода, дыры и монументы...»

Вигену тоже город не понравился: лишенный всякой гармонии, вневселивой и грязный. Очевидно, великий писатель не ошибся.

Айрапетов позвонил домой, узнал, как там жена и дочка. Он тосковал не столько без них, сколько без привычного окружения.

В то время Виген был довольно известным в Ереване офтальмологом. За консультациями к нему ездили издалека. Честолюбие его не мучило, но очень поддерживало на всех трудных жизненных переходах.

– Виген... – нежно иногда повторял он нараспев свое имя. – Вы гений... Вы гений, Виген... Ну да, что-то в этом есть... Имя – это судьба.

После конференции общительный Туманов предложил своему новому другу поехать в Москву.

– А что, батенька? Махнем прямо сейчас! Одна ночь на поезде. И столицу заодно поглядишь. Познакомишься с моими друзьями. Например, с Левкой Резником. Самая подходящая фамилия для хирурга. Он детский врач – травматолог. Я его когда-то давно спросил: «И много тебе, наверное, детских слез приходилось видеть-слышать, когда накладывал белый гипс?» А он ответил: «Да, но не меньше и веселого смеха...»

– Когда этот белый гипс снимал? – улыбнулся Виген.

– Да, но только к тому моменту он уже редко бывает белый! Он уже обычно – на все цвета радуги! Дети на нем, как правило, малюют фломастерами всюду.

И Виген решил ехать – у него оставалось еще несколько свободных дней.

Но в Москве Михаил, поселив приятеля у какой-то своей знакомой, предоставил ему гулять по городу в одиночестве. Айрапетову стало еще неуютнее и совсем одиноко. Вокруг шумела жизнь, к которой он не имел ни малейшего отношения, а Виген этого не переносил. Он бродил банальными истоптанными маршрутами всех приезжих и командированных, грустный и нахохленный. Торжественно-колонный вход бывшего цветаевского музея, Исторический – того самого, исконно кровавого цвета, пряничное здание Третьяковки... Там внизу ереванец нечаянно толкнул светловолосую худенькую девушку. Неловко извинился... И она вдруг улыбнулась ему крупноразбойной белой улыбкой.

Виген остановился:

– А... вы не взяли бы познакомить меня с городом? Я никогда здесь не был, через три дня улетаю и вряд ли скоро приеду сюда опять.

Девушка опять улыбнулась:

– С удовольствием. Я совершенно свободна. Стася...

– Как? – не понял Виген.

– Стася, – повторила она. – Полностью Станислава. Мама ждала мальчика...

Позже Виген понял, что эта мама вообще никого никогда не ждала, а три дня – не пять минут, хотя, согласно словам поэта, даже за пятиминутку можно сделать очень много.

Они бродили по улицам с утра и допоздна. И Виген неожиданно прикипел к Москве, такой суетливой и безалаберной на первый взгляд.

Стася недавно перенесла операцию на сердце, пока не работала, и Айрапетов сначала заботился о ней как медик, а потом... Потом уже все время думал, как и чем ей помочь, получая взамен эту необыкновенную улыбку, улыбку вознаграждения.

Стася рано поняла безусловность истины, что глупо молчать лучше, чем глупо говорить. И молчала. Довольно часто. Вопросов не задавала – ее ничего не интересует. И отвечала на них только улыбкой. Непонятной, неясной, как она сама. И каждый поневоле думал: о чем она молчит? Люди нередко чувствовали неловкость в общении с ней. Некоторые считали, что опасны те, кто улыбается, еще не начав говорить. Другие думали, что тот, кому редко выпадает случай посмеяться, радуется всякой ерунде. А серьезных людей вообще раздражает обязанность любезно улыбаться.

Ее жизненное кредо... Удачно она его выбрала или нет? Может, так жить спокойней? Она усердно вырабатывала в себе свое основное качество – уверенность в том, что мир должен, просто обязан вращаться вокруг нее. Улыбкой – отрешенной, безразличной, но приветливой – Стася словно игнорировала всех, всех отрицала. Но всех ли? И вообще, говорил ее отец, на свете есть лишь два сорта людей: одни дают, другие берут.

Стася скорчила милую гримаску, когда Виген спросил о ее семействе.

– Ну-у, у нас вечно какие-то загадки. Такие есть в каждой, даже самой благополучной семье, а у нас как раз неудачная. То есть я ее люблю, но она разладилась давно, когда я была еще совсем маленькая. Мама ушла, видела меня редко, меня растила бабушка, мама отца... И что там у родителей случилось, я не знаю. Папа несколько раз порывался жениться, но бабуля всякий раз строго спрашивала: «Владимир, а хорошо ли будет ребенку с мачехой?» И он пере-думывал. А однажды сказал: «Ей и с родной матерью плохо...» – «Тем более», – сурово отозвалась бабушка. Мама у меня такая важная, деловая, всегда в строгом костюме... Доктор наук. Я ее иногда по телевизору вижу на всяких пресс-конференциях. А со мной она не встречается...

Стасина мать была дама загадочная. Необычная. Из породы деловых леди. Для которых главное – работа, карьера. И к дочке эта мама всегда оставалась холодна и равнодушна. А таких бизнес-мадамок нынче развелось!.. Миновали те времена, когда женщины смиренно сидели дома и растили детей. Но в те времена, которые действительно навсегда миновали, дамы могли безмятежно сидеть на шеях у муженьков, поскольку заработков мужей вполне хватало даже на большую семью. А что теперь? Оглянитесь вокруг! Муж работает, жена трудится, ребенок всего один, редко – двое, а перебиваются с картошки на хлеб и обратно. Тут не слишком разбежишься, и женщинам приходится думать о семье точно так же, как мужчинам. Кроме того, разводы...

Хотя любовь к детям все равно никто не отменял, ни при каких зарплатах, думала Стася. Бабушка говорила, что у ее бывшей невестки отсутствует какая-то важная деталь души, та, что отвечает за материнские чувства. Вот и все.

Больше всего Стасе запомнился школьный сентябрьский двор, изнывающий от гомона и толкотни школьников и бьющий в глаза красными и розовыми цветами. Стася стояла в неровной, колеблющейся от волнения шеренге первоклассников и, напряженно вытягивая шею, высматривала среди суетливых взрослых маму. Вот бабушка, вот отец, вот двоюродный брат, вот тетя... А мама? Где же мама?! Бабушка вчера сказала, что мама обязательно приедет помахать рукой Стасе, шагающей на свой первый в жизни урок.

Мама не приехала.

– Не смогла, – коротко объяснила она потом отцу. – Вызвали на кафедру.

– Она очень занятой человек, – сказал отец Стасе.

Стася кивала, делала вид, что все понимает, что ей вообще безразлично, была мама в то утро возле школы или нет, и чувствовала, что ей не нужны ни школа, ни папа, ни бабушка, которые ее так любят. Ей нужна мама. Но мамы нет и не будет... Мама очень занята. И с этой мыслью Стасе надо жить дальше. Как получится.

Виген ничего не сказал Стасе на прощание, только молча постоял рядом с ней в здании аэровокзала. В последний момент примчался Туманов и заорал:

– Милуешься тут без меня, батенька? Ишь какой резвый! В два счета себе нашел московскую любовь!

Стася улыбалась. У нее была очень забавная фамилия – Кувшинка.

В Ереван Виген прилетел с окончательно созревшим решением. Только Станислава...

Жена встретила его сообщение криком и воплями. А потом потянулись несколько месяцев скандалов, дразг, выяснения отношений... Долгая эпопея развода, письма Стаей... Он ждал их, он их любил, они приносили ему радость, дыхание живой души и живого голоса. Даже когда ее письма переполняли боль и житейские мучения – все равно это были вести своего человека, подтверждение, что они слышали друг друга, что они друг у друга есть. Несмотря ни на что.

Виген уже начал с горечью думать, что такая жизнь – со скандалами и письмами – не кончится никогда, как вдруг все разом оборвалось: жена лишь потребовала, как отступное, прописать в Москве дочку и устроить ее куда–нибудь учиться петь.

Работу в Москве и квартиру на время Айрапетову нашел все тот же вездесущий Туманов. Он обожал любые романтические истории и часто посмеивался:

– Самая распространенная профессия в России – испытатель трудностей. Но и после неурожая, батенька, надо сеять. А с тех пор как я осознал, что жизнь – это просто непрерывное восхождение на Альпы, сделал для себя вывод: главное – поверить в то, что у тебя все замечательно, что ты обаятельный и привлекательный, и вести себя со всеми совершенно свободно. И все сразу увидят в тебе настоящего милашку-оптимиста. Хотя, возможно, посчитают шизанутым на всю голову или шутом гороховым.

Стася оказалась очень проблемной женщиной. Одной операции на сердце ей на долю не хватило. Ее отец, больной диабетом, остался без ноги, и Виген тотчас попросил Стасю их познакомить. И вообще пора...

– А как же вы дома обходитесь? – спросил Виген. – Ну, с отцом...

– Соседи помогают, они у нас хорошие, – отозвалась Стася. – И еще приезжает мой двоюродный брат.

Жили Кувшинки почти в центре. Их дом Виген знал хорошо – не раз провожал Стасю, – но в квартире у них он тогда был впервые. И нервничал, как мальчик, идущий на свое первое свидание, и посмеивался над собой, но поделаться ничего не мог.

Бабушка Станиславы, полноватая и проворная, несмотря на годы, встретила Айрапетова как самого дорогого гостя.

– Виген Арамович! – запела она. – Сколько же мне о вас внучка рассказывала! Как вас нахваливала, и не передать! И вот наконец я вас увидела!

Стася стояла возле бабушки, улыбалась и согласно кивала.

Виген немного смутился.

– Я слышал о Владимире Николаевиче... – пробормотал он. – Как у него дела?

Стапина бабушка махнула рукой. Очевидно, ей была свойственна трезвость оценок и точность восприятия событий.

– Да как дела! Как сажа. бела! Если бы Володя слушал меня да врачей! И дела были бы другие. А так... Да вы проходите к нему, он вас давно ждет.

– Мама, хватит тебе меня критиковать, – донесся веселый голос Кувшинки. – Зато досуга у меня теперь хоть отбавляй.

Он сразу стал обращаться с Айрапетовым, как с близким человеком, полноватый, в мать, такой же живой и веселый.

На тумбочке возле дивана Владимира Николаевича гордо красовалась бутылка дорогой водки, рядом приютились два стаканчика...

– Пьем? – утвердительно спросил Виген, сразу пришедший в себя. Теперь он был только врач – и никто больше. – Стыдно, Владимир Николаевич... Кому вы делаете плохо? Лишь себе самому! А ты... – Он сурово глянул на Станиславу. – Ты разве не знаешь, чем болен твой отец? И какая строгая у него диета? Да вся его жизнь зависит именно от нее! А тут... – Айрапетов мрачным взглядом окинул пиршественную тумбочку. – Еще и торт вдобавок! При таких обедах и ужинах никакие врачи не спасут!

Кувшинка криво ухмыльнулся. Он раскраснелся и выглядел вполне довольным собой и жизнью. Стася потерялась до слез, сделавших ее голубые глаза еще ярче.

– Это брат приезжал двоюродный... Отцу все равно нельзя ничего запретить... Он начинает ныть и капризничать, как ребенок. И обвиняет меня в жестокости. Выпрашивает все, что ему хочется...

– Ну, знаешь! – развел руками Айрапетов. – Выпрашивает! Просто смешно слышать! А ты что, не можешь сказать «нет»?

Стася совсем поникла.

– Не могу... У меня характер слабый...

– И вы пользуетесь слабостями дочки? – хмуро спросил Виген. – Ну-ну! Не ожидал ничего подобного. А о себе вы совсем не думаете?

Кувшинка прикрыл глаза.

– Виген Арамович, увольте от моралей! Наслушался за всю жизнь по самое не хочу! Все понимаю, а сделать с собой ничего не могу. Бесхарактерный. Но мои желания становятся для меня законом, увы... Так было и так будет. Стася вся в меня, вы это учтите... А что там ждет впереди, думать не хочу. Мне все равно теперь до конца на одной ноге прыгать. Жизнь – великая штука! Ценнейшая! Но мы редко задумываемся над ее значимостью, живем себе и живем, словно нам так положено. А нам, может, положено вовсе не так, а эдак!

Ладно, каждый волен распоряжаться своей судьбой, подумал Айрапетов. И запомнил насчет желаний-законов Стаей... Пригодится.

Будущее Кувшинки рисовалось ему в самом мрачном свете. Виген отлично понимал, что при таком сомнительном режиме диабетик долго не продержится. И даже странно, что он так долго тянет, хотя ногу потерял. Могло быть куда хуже. Диабетическая кома – а там решают минуты...

Он попытался растолковать все это Стасе, стараясь ее не напугать. Но она была настолько поглощена сейчас собой и своим чувством к Вигену, что плохо понимала его объяснения, касающиеся отца. Она просто восторженно смотрела на него и кивала. Видела она одного лишь Вигена.

А потом... Потом Виген учил Стасю готовить, стирать, гладить. Она ничего не умела. Стал обучать ее армянской кухне и подивился, с какой быстротой и рвением она все усваивала. И увлеченно кормила его этими новыми для нее и давно известными ему армянскими блюдами. Родился сын.

Стася медленно приходила в себя после родов, но при ней всегда был он: муж, отец, нянька и врач. Исполняющий все ее желания. Они не тяготили Айрапетова, а радовали.

– Моя Кувшинка, – ласково говорил он.

Иногда навевалась дочка Вигена – посмотреть на маленького братца. Она училась в консерватории стараниями все того же Туманова и была даже благодарна отцу за его развод, послуживший ей на пользу.

Подружились жены врачей, а позже – сыновья. Галя, едва познакомившись со Стаей, тотчас стала ее опекать, во всем помогать и давать советы.

– Тебе вообще-то от твоей болезни нужно одно лекарство – полный покой и всякое отсутствие тревог и стрессов, – говорила Галя и вздыхала. – Но где такое достать? Боюсь, в совре-

менном мире, да еще в современной России, да плюс – в современном мегаполисе этого средства просто нету.

Стася улыбалась.

Глава 5

Галина Викторовна старалась не задумываться о своей жизни, поскольку эти размышления ничего хорошего ей бы не принесли. А любой человек всегда – сознательно или нет – пытается по возможности избежать лишних колючек. И так их предостаточно.

Однако думай не думай, вспоминай не вспоминай... Вспоминалось поневоле.

Галя Панина выросла в аристократической семье. Потомственные дворяне... Раньше этого и произносить вслух не рекомендовалось – живешь ты в государстве рабочих и крестьян, и живи себе дальше. Притворяйся пролетариатом и растворяйся в массах – так надежнее и спокойнее.

Мать и отец умалчивали о своих корнях. Прорывалось лишь случайно, ненароком. И четырнадцатилетняя Галя услышала, что ее прадед был дворянином, мировым судьей, а его брат – владельцем шоколадной фабрики. И Галина бабушка, тогда еще девочка, бегала к дяде есть горячий шоколад...

Галин дед, врач, бежал из России в первую волну эмиграции. Успел на один из последних пароходов, отплывающих в Стамбул. А беременная бабушка осталась в России...

Мать и отец переговаривались негромко, но Галя чутко ловила каждое слово. Из обрывков фраз составляла картинку-мозаику, цветную и яркую. Представляла себе бабушку – сначала маленькую сладкоежку, потом взрослую, ожидающую ребенка в страшный год смятения и неразберихи, когда разбивались судьбы, рвались привычные отношения, рушились семьи...

Почему бабушка не уехала? Не захотела или не смогла? А дед не сумел ее дождаться или подумал, что она отплыла другим пароходом?..

Правды Галя так никогда и не выяснила. Ей даже стало казаться, что и сам отец толком не знал таких подробностей – бабушка скрывала их от него.

Отец тоже был врачом, занимался кожными болезнями, мать получила образование стоматолога, но работала по специальности мало – растила двоих детей.

Галя не приносила много хлопот, а вот младший, Витенька, мамин любимец... Этот отличался буйным, задиристым нравом, непрерывно дрался – то во дворе, то в школе. Колотил и обижал младших. И матери постоянно приходилось выслушивать жалобы, улаживать конфликты и ходить в школу, откуда ей звонили с нехорошей регулярностью.

Галя пыталась помочь матери и поговорить с братцем по душам. Но тот даже слушать ее не стал.

– Ты ко мне не суйся, воспитательница! Выискалась на мою голову! Девчонкам незачем лезть в мои дела! – грубо отрезал Витя. – Без тебя разберусь!

Разбиралась, конечно, мать. Отец был занят и редко обращал внимание на детей.

– Успокойся, вырастут, – твердил он в ответ на жалобы матери. – И вырастут нормальными людьми. Дай ты Виктору перебеситься! Всею свое время.

– Да я не дожусь, пока он перебесится! – однажды закричала, не выдержав, мать. – Похороните!

– Не драматизируй! – прогудел отец. – К чему эти истерические развороты? Живи себе спокойно и размеренно. А дети, они должны быть активными.

– Уж эта мне активность... – простонала мать.

Однако отец оказался прав, и Витя, с трудом одолев переходный возраст и едва не вылетев из школы, в самом ее конце поутих, немного присмирел и даже начал учиться. Мать тайком плакала от счастья и молила Бога о милости. В церковь она не ходила – тогда это было довольно опасно, – но сохранила в себе, сберегла начатки веры, которая, к сожалению, детям не передавалась. Воспитывать их стоило немного иначе.

И вот однажды Виктор, тогда уже первокурсник, завел с Галиной разговор об их семье. Они в тот день оказались дома одни. Отец, как всегда, работал, «пользовал сифилитиков», по образному заявлению Виктора, а мать ушла по магазинам.

Галя разогрела брату обед и присела напротив за кухонный стол. Виктор бодро, с аппетитом хлебал горячий борщ, ломал на куски черняшку и довольно покряхтывал. Он обожал вкусно и сытно есть.

– Галка, ты о своем дворянстве знаешь? – спросил брат в коротком промежутке между двумя ложками.

Галина кивнула:

– Слышала. Краем уха. Родители терпеть не могут об этом говорить.

– Угу. – Виктор проворно отправлял в рот ложку за ложкой. – Предки, выходит, здоровски держат языки за зубами. А знаешь почему?

– Почему?

– Да потому что хотят найти фамильные драгоценности!

Галя засмеялась:

– Ты бы читал поменьше фантастики! В жизни все не так.

– Все так! – заявил брат, по-деревенски подчищая тарелку куском хлеба. Прямо настоящий дворянский отпрыск! – Я нашел тут случайно один любопытный документик. Письмо нашего деда к нашей бабке. У отца оно хранится.

– Ты рылся в папином столе? – нахмурилась Галя. – Это низко!

Виктор пренебрежительно махнул рукой:

– Да ладно, нравственная ты наша! Я искал подтверждение нашего дворянства. Эх, как охота побыть настоящим баринком!

– Ничего не делать, валяться на диване, слуг гонять туда-сюда! – подхватила Галя.

– Ну и что? – с вызовом отозвался брат. – Самое оно! Труба зовет! Я бы не возражал против такой житухи, но нам она, увы, не грозит и не светит, как ни обидно. Придется, стало быть, крутиться самим. Но вернемся к нашим баранам, то бишь к письму. В нем дед пишет, что оставил драгоценности – какие, не перечислил – в своем имении за городом.

– А ты уверен, что это письмо деда? – недоверчиво спросила Галя.

– Подпись, число, бумага старая, еле живая... Обращение к бабуле. Имя ее, понимаешь? Чернила расплывающиеся. И почерк.

– Витька, ты совсем сдурел! – возмутилась Галина. – Откуда тебе знать почерк деда?!

– А у отца сохранились рецепты, выписанные дедовой рукой, – пояснил Виктор. Все-то он знал! – Папаня в них иногда отыскивает полезное для своих сифилитиков. Я сам видел.

Грозивший затянуться разговор прервала мать, явившаяся из магазина не вовремя, как часто делают все матери на Земле.

Но Виктор продолжал гнуть свою линию и дальше. А поскольку понимания у сестры не находил, решил действовать в одиночку. И однажды поздним вечером отправился в дедово имение, о котором имел самое смутное представление...

Никому он о своей поездке не рассказывал.

После окончания медицинского Галя стала работать в Ожоговом центре. Терпение и выдержка у нее были редкостные, и потому она задержалась на этой работе на износ надолго. И вся ее жизнь оказалась узлом завязанной на таком тяжелом труде. Личная линия не рисовалась даже в мечтах, и мать нередко вздыхала, жалостно поглядывая на дочь.

– Галочка, что же ты никуда не сходишь, не погуляешь? Ни в кино, ни в театр... С подружками, друзьями...

– Да некогда, – лукавила Галина. – Работы много, больных все везут и везут.

– Это будет всегда, – логично отзывалась мать. – А жизнь, доченька, одна, и она очень быстро проходит, прямо-таки пролетает. Года проскальзывают между пальцами, – открывала дочери азбучные истины. – Тебе замуж пора. – И опять шумно вздыхала.

Галя делано улыбалась. Эти улыбки на родителей и на публику стоили ей немало мужества и актерского мастерства.

– У всех своя пора. Тут нет никаких закономерностей и традиций.

Иногда поздними вечерами Галина с пристрастием следователя рассматривала себя в большом зеркале. Так... Фигура вполне ничего себе, хотя несколько полновата, на любителя. Но многие мужчины любят пышек. Светло-коричневые глаза. Довольно красивые... И нос прямой, без загибов. Чего ж им боле?... Этим мужчинам...

На самом деле Галя догадывалась, в чем дело. Характер ей достался с выкрутасами. Причина в нем одном. Галина, как говаривал братец, выросла чересчур нравственной и на легкие отношения не соглашалась. Пыталась найти в людях десятиметровые глубины, интересные черты, настоящее содержание. А люди – как книги. В редкой отыщешь для себя подлинный смысл и понимание жизни.

Неудачный болезненный опыт любви у Гали уже был. И она не хотела обжигаться снова. Как врач Ожогового центра, отлично представляла, что такое ожоги, как долго и трудно они заживают и какие рубцы оставляют на телах и в душах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.